

Русин Д.О.

Политика первых лет царствования Николая II на страницах дневника графа Шереметева

Русин Даниил Олегович — аспирант, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: rusindanil@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [2521-8299](https://elibrary.ru/2521-8299)

Аннотация

Статья посвящена анализу восприятия политики первых лет царствования Николая II графом Сергеем Дмитриевичем Шереметевым и вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной. На основе дневника графа автор показывает их недовольство назначением на пост министра внутренних дел Ивана Логгиновича Горемыкина, в котором они видели либерала и отступника от консервативного курса Александра III. В статье рассматриваются эпизоды из четырехлетнего пребывания Горемыкина на посту министра внутренних дел, которые в глазах Шереметева и Марии Федоровны выглядели подтверждением пагубности выбранного курса: Ходынская катастрофа, обсуждение учреждения земств в неземских губерниях, студенческие волнения 1899 года. В основе всех нестроений, по их мнению, лежала неопределенность политики И.Л. Горемыкина, отсутствие четкого консервативного курса, который был у министров Александра III. Робкая попытка продолжения земской реформы Александра II была воспринята Шереметевым крайне болезненно как свидетельство приверженности Николая II к либерализму, которое граф считал губительным для России. По мнению Марии Фёдоровны, «либеральная» политика И.Л. Горемыкина вытекала из отсутствия контактов ее сына с людьми, которые могли бы объективно рассказать об истинном положении дел в стране, а те министры, которые окружали Николая II, искали выгоду прежде всего для себя. Автор статьи приходит к выводу, что С.Д. Шереметев и Мария Фёдоровна не были способны изменить политический курс Николая II, который постепенно отправлял в отставку влиятельных при Александре III министров, тем самым демонстрируя желание править самостоятельно.

Ключевые слова

Николай II, Мария Фёдоровна, Сергей Дмитриевич Шереметев, Иван Логгинович Горемыкин, Сергей Юльевич Витте, Дмитрий Сергеевич Сипягин.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-84-41-61

Rusin D.O.

Nicholas II's Reign First Years in the Pages of Count Sheremetev Diary

Rusin Daniil Olegovich — postgraduate student, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: rusindanil@gmail.com

Abstract

The article deals with the policy's perception of Nicholas II's reign first years by Count Sergei Dmitrievich Sheremetev and the Dowager Empress Maria Feodorovna. Based on the count's diary, the author shows their dissatisfaction with the appointment of Ivan Logginovich Goremykin as a Minister of the Interior. They saw him as the liberal and the apostate from the conservative course of Alexander III. The article examines episodes from Goremykin's four-year tenure as Minister of Internal Affairs, which in the eyes of Sheremetev and Maria Feodorovna looked like the confirmation of chosen course malignancy: The Khodynka Tragedy, discussion on zemstvos' network expansion in the provinces, student unrest in 1899. In their opinion, all the frustrations were based on the uncertainty of Goremykin's policy, the lack of a clear

conservative course, which the ministers of Alexander III had. The timid attempt to continue the zemstvo reform of Alexander II was perceived by Sheremetev extremely painfully as the evidence of Nicholas II's commitment to liberalism, which the count considered disastrous for Russia. According to Maria Feodorovna, the "liberal" policy of Goremykin resulted from the lack of contacts between her son and people who could objectively tell about the true state of affairs in the country, and those ministers who surrounded Nicholas II were looking for benefits primarily for themselves. The author draws to the conclusion that Sergei Dmitrievich Sheremetev and Maria Feodorovna were not able to change the political course of Nicholas II, who gradually dismissed influential ministers of Alexander III's reign, thereby demonstrating a desire to rule on his own.

Keywords

Nicholas II, empress Maria Feodorovna, Sergei Dmitrievich Sheremetev, Ivan Logginovich Goremykin, Sergei Yulyevich Witte, Dmitry Sergeyeovich Sipyagin.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-84-41-61

Введение

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев — крупный сановник эпохи Александра III и Николая II. Он являлся московским предводителем дворянства (1885–1890), был членом Особого совещания по дворянскому вопросу (с 1897), с 1900 года занимал должность члена Государственного совета, а в 1904 году стал обер-егермейстером. В царствование Николая II Шереметев сосредоточился на научно-исторической деятельности, которая привела его к желанию создать летопись своей эпохи [Шохин 1998, 149]. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в личном фонде Шереметева (ф. 1287) сохранились довольно объемные по содержанию дневники, которые граф вел с 1894 по 1917 год. В них он достаточно подробно записывал беседы с различными политическими деятелями того времени, включая императора Николая II (главным образом они говорили об исторической науке) и вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну. В этих дневниках Шереметев ярко выражал свои консервативные взгляды.

Анализ этого источника показывает, что наиболее часто о политике Шереметев разговаривал с императрицей Марией Фёдоровной, с которой они давали оценки политической ситуации и делились впечатлениями о тех или иных министрах. Цель статьи — выяснить, каким влиянием обладала Мария Фёдоровна на своего сына, в какой степени она могла воздействовать на изменение политической ситуации. Отсюда вытекает задача реконструкции восприятия императрицей и Шереметевым политической обстановки того времени на основе дневниковых записей последнего. Это поможет понять, устраивала ли их проводимая Николаем II политика и могли ли они повлиять на смену государственного курса. Хронологические рамки ограничены первыми пятью годами царствования Николая II (с октября 1894-го до октября

1899 года). Министром внутренних дел в этот период был Иван Логгинович Горемыкин, курс которого Шереметев считал отступлением от политики сохранения «незыблемости самодержавия».

Начало фундаментальному изучению дневников графа положил историк Л.И. Шохин, который в своих статьях издал их фрагменты [Шохин 1995; 1996; 1998; 2001; 2002; 2005]. Стоит отметить, что в них не были опубликованы записи бесед Шереметева и Марии Фёдоровны в интересующий нас период. Частично они представлены в сборнике «Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.)», изданном в 2009 году, но только в связи с упоминанием в разговоре великого князя Сергея Александровича или его супруги Елизаветы Фёдоровны¹. В 2012 году О.В. Белоусова защитила диссертацию, посвященную общественной и политической деятельности С.Д. Шереметева как яркого представителя консервативного лагеря². Вышеназванные авторы не концентрировали свое внимание на том, как Шереметев и Мария Фёдоровна воспринимали политику первых лет царствования Николая II, что делает заявленную тему актуальной научной задачей.

Начало царствования

В октябре 1894 года скончался император Александр III. Первые годы после воцарения Николая II ни во внутренней, ни во внешней политике не было существенных изменений. Большое влияние при дворе оказывали те же лица, что и при Александре III: обер-прокурор К.П. Победоносцев, издатель правого журнала «Гражданин» В.П. Мещерский, министр двора И.И. Воронцов-Дашков, военный министр П.С. Ванновский и другие [Боханов 1997, 126].

При этом степень этого влияния различалась: если Воронцов-Дашков сразу после смерти Александра III почувствовал, что сохранять при новом монархе прежние позиции будет сложно, и даже попросил отставку, то «акции» Победоносцева, напротив, выросли. Связано это было с его активным участием в женитьбе Николая II на Алисе Гессенской: обер-прокурор поддержал выбор цесаревича и способствовал ее скорейшему переходу в православие [Андреев 2011а, 118–119].

Ориентиром в политике для Николая Александровича был, безусловно, его отец. Александр III являлся для него тем камертоном, с которым молодой император сверял

¹ См., напр.: [Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II 2009, 342–343; 351; 358].

² Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

свои действия. В переписке с Марией Фёдоровной Николай II часто ссылался на Александра III, представляя, как он поступил бы на его месте, как бы оценил его намерения и дела³. Николай Александрович считал, что «светлый пример незабвенного Папа» поможет ему служить на пользу и славу России, о чем он писал своему брату Георгию вскоре после женитьбы [Мейлунас, Мироненко 1998, 128].

Шереметев был знаком с Александром III с раннего детства и фактически был его доверительным лицом. Граф был близким другом и для императрицы Марии Фёдоровны, он мог присутствовать на семейных обедах. 2 декабря, побывав на одном из таких приемов в Аничковом дворце, граф записал свои наблюдения о Николае II: «Он все всматривается и очень осторожен, но прост и приветлив — чуткость отцовская»⁴. Здесь же Шереметев подчеркнул еще одно сходство Николая II и Александра III: «Говорил о Японцах с раздражением и с крепкими словами, чем опять напомнил мне отца»⁵.

И.Л. Горемыкин — министр внутренних дел

Однако, несмотря на эти подчеркнутые сходства в характерах императоров, Шереметев уже в следующем году отметит, что Николай II проводит политику, отличную от предыдущего царствования. Прежде всего это было связано с назначением И.Л. Горемыкина на пост министра внутренних дел. Его кандидатуру посоветовал императору Победоносцев, о чем есть подробное описание в мемуарах С.Ю. Витте [Витте 1924, 25]. Это лишний раз подчеркивает влияние обер-прокурора, которой он обладал в начале правления Николая II.

6 декабря 1895 года Шереметев запишет в дневнике с тревогой: «В приказе прочел, что Горемыкин утвержден (подчеркнуто в тексте — прим. автора)! Увидим, как будут согласоваться в дальнейшем слова Г(осударя) с делом (подчеркнуто в тексте — прим. автора). Мы выступили на путь сомнительный, шаткий и опасный. Это во всяком случае не путь Александра III (подчеркнуто в тексте — прим. автора), о котором нам говорили... И все-таки мне не верится еще в прочность нового пути»⁶.

Шереметев видел в назначении Горемыкина отступление Николая II от политики, заявленной им в знаменитой речи от 17 января 1895 года. К слову, ее текст

³ См., напр.: [Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной 2017, 36–39; 266].

⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 60 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 146.

был написан Победоносцевым, который убедил молодого царя сделать демонстративный жест в связи с активно циркулировавшими в обществе слухами о том, что новое правление будет либеральным [Андреев 2011b, 40–41]. Обращаясь к земским депутациям, император заявил о «бессмысленных мечтаниях» земств относительно их участия в делах внутреннего управления. Николай II обещал охранять самодержавие «так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель» [Ольденбург 2010, 41]. Воодушевленный этими словами Шереметев написал императору письмо, в котором говорил: «Ваше счастье, Государь, есть счастье России. Вы сказали ее мощное удивительное слово — что путь государя Александра III — неизменен!»⁷.

Вероятно, так остро Шереметев отреагировал на назначение Горемыкина потому, что ожидал увидеть на его месте свояка и друга Д.С. Сипягина. Именно его кандидатуру наметил Александр III в качестве сменщика министра внутренних дел И.Н. Дурново [Витте 1924, 25]. Своими опасениями граф поделился с Марией Фёдоровной, встретившись с ней в Гатчине 13 декабря. По его мнению, «политика Царя им ясно выражена, mais il y a la politique de certaines ministres, qui lui est diametralement opposé»⁸. Шереметев назвал имена трех человек: Горемыкина, Н.В. Муравьёва (министр юстиции) и С.Ю. Витте (министр финансов). Мария Фёдоровна довольно резко о них отозвалась: «О первом она сказала “с’est un чиновник!”, о посл(еднем) “С’est un laquais!”»⁹.

Мария Фёдоровна с сожалением отметила, что ее сын видит мало людей¹⁰. Граф заявил, что министры больше не чувствуют той доминирующей над ними силы, которая была при Александре III, не хватает воли Императора. В конце концов они сошлись во мнении, что вышеназванным министрам нужна противоположная им сила, «при наличии кот(орой) они могли быть полезны — сознавая, что есть сила сдерживающая»¹¹.

⁷ Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 164.

⁸ Есть политика некоторых министров, которая ей диаметрально противоположна (перевод с фр.).

⁹ Он лакей! (перевод с фр.)

¹⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 148.

¹¹ Там же.

Итак, Шереметев и Мария Фёдоровна были чрезвычайно обеспокоены назначением на ключевой тогда пост министра внутренних дел Горемыкина, в котором они видели либерала — отступника от политики Александра III. В союзники Ивана Логгиновича они записали также министров Муравьёва и Витте, которые, по их мнению, совместными усилиями могли бы склонить Николая II к проведению либеральной политики.

Индикатором, по которому Шереметев определил Горемыкина как либерала, стала его политика по отношению к тверскому губернатору Ахлестышеву. Он занимал этот пост с 1890 года и был настроен довольно жестко по отношению к земствам. Пользуясь относительной стабильностью правительственной политики последних лет царствования Александра III, Ахлестышев время от времени мог не утверждать гласных или членов управ, а также отменять принятые ими решения [Андреев 2020, 38].

Однако с приходом Горемыкина политика по отношению к земствам поменялась: он вскоре после своего назначения заявил в письме Ахлестышеву о недопустимости ограничения чьих-либо «личных прав и служебной деятельности, если к тому не имеется в виду других уважительных данных», чем по сути вставал на защиту либеральных земцев — противников тверского губернатора [Там же, 40]. Почувствовав поддержку главы МВД, «либеральная партия» стала провоцировать скандалы на выборах губернского предводителя дворянства и делать выпады в адрес представителей тверской администрации.

Столь яростное и поддерживаемое Горемыкиным противостояние Ахлестышеву, который приходился Шереметеву близким другом, глубоко возмутило графа. На личной аудиенции у императора он прямо высказал свое недовольство главой МВД: «Я стал говорить смело, называя прямо Горемыкина, и закончил словами — “Министр внутренних дел должен быть человеком самостоятельным и никак не подставное лицо” <...> Я продолжал, напирая на корень зла в МВД». Граф был обеспокоен тем, что во власти появились «лицемерные исполнители», желающие возвращения к политике Александра II. Николай II поблагодарил графа за предупреждение и попросил его приходить в любое время, так же, как к его отцу¹².

Мария Фёдоровна, также не питавшая симпатий к Горемыкину, была рада итогам аудиенции, о которой ей сообщил Шереметев. По его мнению, Николай II как самодержец должен действовать, «руководствуясь только велением сердца — не обращаясь ни к кому — ибо нет ни одного человека, который мог бы подать ему беспристрастный совет» [Андреев 2020, 46].

¹² Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 166.

Несмотря на благосклонный прием Шереметева, Горемыкин остался на своем посту и политика в отношении тверского земства осталась прежней¹³. Это убедило графа, что прежнего влияния он оказывать не сможет. В разговоре с Марией Фёдоровной 20 декабря он отметил, что «остается только молиться, чтобы государь остановился перед идеей перемен», и пожелал ему ни с кем не советоваться, «потому что нет никого, кто может дать ему беспристрастный ответ!»¹⁴.

Подводя итоги года, Шереметев с разочарованием записал в дневнике: «...начало года — хвастливые слова. Конец года был назначением Горемыкина — явно возвращение к Александру II»¹⁵.

В 1896 году он продолжил фиксировать в дневнике действия неприятных ему министров. В триумвирате, влияющем на Николая II, место Витте, судя по записям Шереметева, временно занял Победоносцев: «Горемыкин проводит свою программу, поддерживаемый Муравьёвым, Победоносцевым...» (запись от 25 февраля); «Муравьёв, Горемыкин, Победоносцев — да! Гос(ударь) <...> дает отпор по разным вопросам; но пользуются его неопытностью в делах» (запись от 27 февраля)¹⁶. Шереметев был недоволен обер-прокурором, так как именно он предложил Николаю II назначить Горемыкина на пост министра внутренних дел. В разговоре с Марией Фёдоровной Шереметев отметил, что Победоносцев остался не удовлетворен своей креатурой¹⁷. Императрица отреагировала на это ремаркой: «Il est dans les dindons»¹⁸.

В июле 1896 года Шереметев поделился своими мыслями о политической ситуации в стране с Марией Фёдоровной. Она выразилась о Горемыкине «как о личности уже признанной неподходящей». В свою очередь, Шереметев высказал недовольство пассивностью министра внутренних дел: «Сия смута, вся неясность положения, продолжающаяся так долго в прямой зависимости от того, что в сущности м.в.д. не существует, что пока это возможно и терпимо — общее колебание неизбежно»¹⁹. По его мнению, необходимо более точно определить направление внутренней политики, чтобы «страна знала, что это направление, каким бы оно ни было, лучше, чем нынешнее состояние, когда мы не знаем, чего придерживаться»²⁰.

¹³ По словам Д.А. Андреева, Горемыкин начал «настоящую войну» против губернатора: в марте 1896 года был уволен начальник Тверского губернского жандармского управления, летом 1897 года на выборах в земские собрания победили либералы. В таких условиях Ахлестышев, не чувствуя поддержки со стороны МВД, больше не мог оставаться на посту губернатора и в ноябре 1897 года подал в отставку [Андреев 2020, 47–49].

¹⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 150.

¹⁵ Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 167.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 184; 186 (об.).

¹⁷ Там же. Л. 147.

¹⁸ Он остался в дураках (перевод с фр.).

¹⁹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5042. Л. 29.

²⁰ Там же.

Разговор Марии Фёдоровны и Шереметева о «неправильном» ходе политики продолжился в октябре 1896 года. Посетив императрицу в Гатчинском дворце, граф снова отметил, что «внутр(енняя) политика идет по направлению диаметрально противоположному прошлому царствованию <...> Витте, Муравьёв, Горемыкин — триумvirат опасный; все <...> верные прошлому отдалены и поставлены в невозможность действовать». Мария Фёдоровна выразила сожаление, что ее сын не видит людей, и она в этом случае надеется на зиму (в дневнике Шереметев недоумевал: «Уж была одна зима, но что она дала?»)²¹.

В марте 1897 года в разговоре с Марией Фёдоровной Шереметев отметил, что существует разобщенность между министерствами юстиции и внутренних дел из-за последних беспорядков. В ответ императрица в очередной раз пожаловалась ему, что Николай II «никого не видит»: «Je le lui dit toujours»²². Граф согласился с этим, сказав, что, «помимо деловых отношений, есть и другие, что в них вся суть — всякому человеку свойственно общение и что этим общением... украшается жизнь, что жить для себя и только — неестественно и вредно»²³.

В мае этого же года скомпрометированный Ходынской трагедией министр двора Воронцов-Дашков был уволен. Дело в том, что Министерство императорского двора отвечало за организацию торжеств по случаю коронации Николая II в Москве, которая 18 мая 1896 года была омрачена печально известной давкой на Ходынском поле. По итогам расследования своего поста лишился обер-полицмейстер Власовский, а одной из причин трагедии было названо соперничество между московской полицией и Министерством императорского двора и уделов, которое занималось организацией торжеств²⁴. В дневнике Шереметев отметил с досадой: «Чувства остались неудовлетворенными. Указы робкие. <...> Все же главный винт госуд(арственной) машины не действует. Пока не будет настоящего Мин(истра) Вн(утренних) Дел — не будет направления твердого. Это корень всего зла»²⁵.

²¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5042. Л. 51.

²² Я всегда говорю ему (перевод с фр.).

²³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5042. Л. 98.

²⁴ Куликов С.В. Ходынка // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4695200 (дата обращения: 21.02.2020).

²⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5042. Л. 27.

Как отмечает в дневнике государственный деятель Половцов, отставка министра двора была сделана без ведома Марии Фёдоровны, которая встретила Воронцова после увольнения в Гатчине словами: «Comment, il a dit chez moi hier et ne m'a rien dit!..»²⁶ [Половцов 2014, 201].

Заменявший Воронцова-Дашкова Владимир Борисович Фредерикс не понравился вдовствующей императрице. В октябре 1897 года она сказала Шереметеву, что «он невозможен как Министр Двора», а Шереметев отметил, что «иностранцу неудобно занимать такой пост»²⁷. В этом же разговоре они вновь выразили недовольство ходом внутренней политики; по их мнению, произошел разворот в сторону либерального царствования Александра II: «Она выражалась сильно. Я повторил, что внутренняя политика круто изменилась, что тянуть они не церемонятся — чувствуют свою победу — т.е. победу течения до 1881 года <...> Но ее убеждать нечего. Она вполне ясно все сознает»²⁸. В очередной раз они отметили плохое качество кадров: торжествуют чиновники, бюрократы, а порядочные люди заменяются проходимцами — «людьми им удобными, без преданий»²⁹.

В феврале 1898 года Шереметев подвел неутешительные для него итоги 4-хлетия нового правления: «Четыре года прошло с того рокового дня... а мне кажется, что прошло десятилетие; так все изменилось <...> много смуты внесено в общ(ественную) жизнь, много возбуждённости и неудовлетворенности <...> мы все ожидаем проявлений определенных и твердых и дожидаться не можем...»³⁰. Вновь Шереметев сокрушается о том, что нет четко определенной политики, которая была при Александре III.

Дворянское совещание

21 марта 1898 года в дневнике Николая II появилась следующая запись: «Перед докладами имел строгое объяснение с Горемыкиным при Дурново по делам дворянского совещания. Это было необходимо, но чрезвычайно неприятно» [Дневники императора Николая II 2011, 399]. Особое совещание по делам дворянского сословия было создано в апреле 1897 года «для всестороннего выяснения современных нужд дворянского

²⁶ «Как? Он вчера был у меня и ничего не сказал!..» (перевод с фр.).

²⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5043. Л. 47. В беседе с Марией Фёдоровной от 13 апреля 1898 года Шереметев «выражал сожаление о безличности Министра Двора, который прежде всего должен быть человеком свойств тому противоположных» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 21).

²⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5043. Л. 47.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 103.

сословия и соображения мер, которые могли бы обеспечить поместному дворянству способы нести и впредь его исконно-верную службу Престолу и Отечеству»³¹. Председателем совещания был назначен И.Н. Дурново, предшественник Горемыкина на посту министра внутренних дел.

В состав совещания вошел и граф С.Д. Шереметев. Из его дневника мы можем узнать подробности происшествия, вызвавшее недовольство императора. 22 марта он записал со слов А.С. Стишинского, который был управляющим делами Особого совещания: «Оказывается, что Трубецкой³² настаивал перед Горемыкиным о назначении его в особое совещание. <...> Факт тот, что Трубецкому было сказано, что он назначен, и когда он являлся к государю, то благодарил за назначение. Государь написал записку Дурново по поводу Трубецкого, выражал удивление о назначении без ведома и поставил знак восклицательный. Дурново взбешен, ибо Горемыкин докладывал помимо Дурново Государю, а тот сказал, чтобы он об этом переговорил с Дурново — чего Горемыкин не сделал. Государь позвал обоих, добиваясь правды, и спросил у Горемыкина, говорил ли он Трубецкому о его назначении. Горемыкин ответил отрицательно. Трубецкому как оказывается передавал это Оболенский³³ <...> с ведома Горемыкина»³⁴.

По свидетельству же А.А. Половцова, «доложить Государю, что всегда в подобные комитеты назначались московский и петербургский предводители дворянства», уговорил Горемыкина Оболенский. Николай II согласился, о чем Горемыкин написал Дурново. Обиженный председатель попросил у императора об увольнении. В итоге было решено, что «Трубецкого и Зиновьева будут приглашать в заседания лишь в случае надобности, т.е. никогда» [Половцов 2014, 207].

Такое поведение Горемыкина, якобы в обход Дурново назначившего члена в Совещание под его руководством, лишний раз подчеркивало в глазах Шереметева нечистоплотность министра внутренних дел. По его мнению, этот эпизод должен «раскрыть глаза» Николаю II: «Но если Горемыкин после этого (подчеркнуто в тексте — прим. автора) останется, придется верить двойственности. Но это фатально»³⁵.

³¹ Государственный совет. 1801–1901. СПб.: Государственная типография, 1901. С. 205.

³² Трубецкой Пётр Николаевич (1858–1911) — князь, московский губернский предводитель дворянства (1892–1906).

³³ Оболенский Александр Дмитриевич (1855–1933) — князь, шталмейстер. С 1897 года занимал пост товарища министра внутренних дел.

³⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 11.

³⁵ Там же.

Инцидент с назначением Трубецкого породил слухи о скорой отставке Горемыкина, которые Шереметев старательно зафиксировал в своем дневнике в апреле: «Перед приемом Барятинский³⁶ успел мне сказать о распространившихся слухах о падении Горемыкина, о кандидатах на его место: о Н. Муравьеве, Плеве, Оболенском... говорил он, что даже спросил о том Императрицу, на что она отвечала поспешно, уклоняясь от прямого ответа и удивляясь, что об этом говорят»³⁷; «А.П. Ольденбургский говорил, что Горемыкин на волоске, выразил опасение, что будет назначен Муравьев»³⁸. Эти записи свидетельствуют о том, насколько Шереметев желал отставки Горемыкина; Мария Фёдоровна также относилась к нему критично, однако объективнее оценивала ситуацию, не веря в то, что министр внутренних дел будет уволен.

Вдовствующую императрицу явно не устраивали министры Николая II. Мария Фёдоровна считала, что они, по сравнению со временем правления ее мужа, не служат царю бескорыстно, во всем ища своей выгоды. В разговоре с Шереметевым она пренебрежительно отозвалась о многих: «Сожалела, что уровень так понизился, что нет былой гражданской доблести, что изолгались и измельчали и пр.»³⁹.

Шереметев также безотрадно смотрел на внутривластную ситуацию в стране, особенно после того, как Горемыкин, несмотря на слухи, остался на своем посту. В мае он записал: «По всему ясно, что переживаем время полного разлада, что правительство обозначилось так, что уже трудно ему доверять, трудно его уважать. J'avons que malgre mes tristes experiences — je ne croyais pas que nous puissions aboutir au triumph de Горемыкин. Nous voila definitivement sur une pente fatale»⁴⁰. По мнению графа, над страной царит чиновник, отчего национальное чувство все больше уязвляется; отсутствуют характер, сердце и искренность⁴¹.

2 июня Шереметев записал подробности очередного разговора с Марией Фёдоровной. Она рассказала, что виделась с Победоносцевым и упрекала того в поддержке Горемыкина. Тот, в свою очередь, отрекся от него. По мнению Шереметева, обер-прокурор «горой» стоит за него, «всячески поддерживает». Рассуждая

³⁶ Возможно, имеется в виду Владимир Анатольевич Барятинский (1843–1914) — генерал, обер-гофмейстер двора Марии Фёдоровны.

³⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 21.

³⁸ Там же. Л. 23

³⁹ Там же. Л. 27.

⁴⁰ Несмотря на мой печальный опыт — я не верил, что мы можем закончить триумфом Горемыкина. Мы определенно на роковом склоне... (перевод с фр.).

⁴¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 40.

о причинах доверия Николая II министру внутренних дел, граф отметил, что Горемыкин умен и хитер и может внушать доверие молодому и неопытному монарху; «но как не заметить фальшивую ноту и ложь?»⁴².

Чувствуя, что не может повлиять на монарха и изменить политический курс, Шереметев пожаловался на свою беспомощность «при виде всего, что делается и того пути, по которому правительство двинулось несомненно, и кот(орый) ничего не имеет общего с обещанными словами. <...> C'est tres triste⁴³ — задумчиво сказала Императрица»⁴⁴.

Земский вопрос

18 июля 1898 года Шереметев узнал от Стишинского о предстоящем учреждении земств в неземских губерниях: «Земские учреждения вводятся <...> в Архангельской, в Курляндской, почти что в полном объёме! Вот же дожили, а будет хуже...»⁴⁵. Отчаяние графа понятно, поскольку Александр III, память которого он так чтит, напротив, урезал права земств и усиливал дворянский и правительственный контроль за ними согласно Положению 1890 года.

Чем же была вызвана необходимость поменять политику в отношении земств? Дело в том, что еще в 1894 году киевский губернатор пожаловался Николаю II на трудности управления хозяйством без хорошо организованных земских учреждений. Император сочувственно отнесся к жалобам, и в 1896 году Госсовет поручил Горемыкину представить соображения «о мерах, кои могли бы способствовать правильной постановке земского хозяйства». Министр внутренних дел составил проект введения земских учреждений в Западном крае, против которого выступили Победоносцев и Витте [Ананьич, Ганелин 2000, 101–102]. Это наглядно свидетельствует об отсутствии некоего либерального объединения министров, выступавших против политики Александра III, о котором так много говорили Шереметев и Мария Фёдоровна.

В этот период на страницах дневника Шереметева все чаще начинает фигурировать имя Д.С. Сипягина. Еще в 1895 году он являлся одним из кандидатов на пост министра внутренних дел, однако Победоносцев высказался против его кандидатуры и посоветовал Николаю Александровичу назначить Горемыкина. Сипягин же возглавил новую Канцелярию по принятии прошений.

⁴² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 45.

⁴³ Это так грустно (перевод с фр.)

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 46.

⁴⁵ Там же. Л. 57.

Он был единомышленником с Шереметевым: оба ратовали за незыблемость самодержавия и стояли за укрепление исключительного положения дворянства⁴⁶. 14 августа свояки нанесли визит московскому губернатору А.Г. Булыгину, где за завтраком Сипягин заявил, что «уверен, что к 1 января Горемыкин будет уволен и замещен Н. Муравьевым. Все признали, что это еще гораздо хуже (подчеркнуто в тексте — прим. автора) Горемыкина». В очередной раз Шереметев выразил сожаление по поводу проводимого политического курса: «Послушать что делается, так действительно становится совсем жутко. Куда идут?»⁴⁷.

В декабре 1898 года Витте подготовил к печати записку, направленную против проекта Горемыкина. В ней говорилось, что «самоуправление не соответствует самодержавному строю государства». Такой ход министра финансов не мог не понравиться Шереметеву: «Удивительный *volte-face*⁴⁸ <...> Витте в корне против расширения и резко выставляет все недостатки земства! Воображаю, как загалдят земцы. Это смелый и решительный шаг»⁴⁹.

К началу 1899 года в правительстве наметился конфликт между Витте и ориентировавшимися на него министрами (среди которых был и Н. Муравьев) с одной стороны и Горемыкиным с другой. При этом министр финансов хотел поставить сперва во главе МВД Муравьева, который всегда был враждебно настроен к Горемыкину и желал занять его место, а затем лично возглавить министерство [Андреев 2012, 61].

Этот конфликт ярко проявился в результате начавшихся 8 февраля 1899 года студенческих беспорядков⁵⁰. Конечно, столь важное происшествие не осталось без внимания в беседах Шереметева с вдовствующей императрицей. Она иронически высказывалась о действиях правительства («*on veut nous faire croire que nous sommes en pleine revolution*»⁵¹) и порицала Горемыкина. Шереметев вторил Марии Фёдоровне: «глупыми и грубыми мерами искусственно создали и развили дело»⁵².

⁴⁶ Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 175.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 65.

⁴⁸ Резкая перемена взглядов (перевод с фр.)

⁴⁹ Там же. Л. 109.

⁵⁰ В этот день отмечалось основание Петербургского университета, празднование сопровождалось шумными студенческими гуляниями. Николай II опасался за самочувствие своей жены, вынашивавшей тогда третьего ребенка, поэтому приказал Горемыкину не допускать «никакого шума близ дворца». Именно поэтому полиция не пустила студентов после университетского торжества на левый берег Невы, где стоит Зимний дворец. Возмущенная этим Мария Фёдоровна писала своему сыну Георгию Александровичу, что студенты, «не понимая, куда идти», стали бросать «лед и все, что оказалось под рукой», в полицию, которая «ответила ударами нагаек» [Андреев 2012, 61–62].

⁵¹ Они хотят заставить нас поверить, что мы находимся в разгаре революции (перевод с фр.).

⁵² РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 33.

В самом правительстве существовало разногласие по поводу расследования беспорядков: если Витте и поддерживавшие его министры считали, что случившееся не имело «политической окраски», и призывали доверить проведение расследования лицу, «стоящему вне отдельных ведомств», то Горемыкин и министр просвещения Боголепов предлагали «не придавать волнениям никакого значения и действовать обычно» [Там же, 62–63].

Эта заминка стала поводом для очередного критического выпада Шереметева в сторону правительства. 18 февраля он записал: «Я только себе говорю, что если теперь в таком ничтожном деле уже более десяти дней не могут разобраться, то что же будет ввиду серьезных осложнений, требующих быстрого решения? Эта непонятная медлительность по-видимому черта»⁵³.

Свое сожаление затянувшейся правительственной неопределенностью Шереметев высказал лично Николаю II, на что тот ответил, что «главной заботой» является для него «возвратить молодежь к занятиям и разрешить дело» [Там же, 63]. Во главе расследования он назначил бывшего военного министра П.С. Ванновского, и это несмотря на то, что Мария Фёдоровна в разговоре с Шереметевым уверенно заявляла, что будет назначен великий князь Константин Константинович⁵⁴.

К февралю 1899 года Горемыкин подготовил записку, в которой он, полемизируя с Витте, утверждал, что «местное самоуправление не стоит в противоречии с началом самодержавной монархии» и что оно всегда было присуще строю русского государственного управления [Ананьич, Ганелин 2000, 104–105]. Эта записка стала для Шереметева лишним подтверждением пагубного отступления министра внутренних дел от идеологии реформ Александра III.

Несмотря на распространившиеся из-за студенческих беспорядков слухи об уходе Горемыкина, он невозмутимо продолжал работать. Этот факт вкупе с его защищающей земства запиской натолкнул Шереметева на мысль о том, что Николай II разделяет либеральные взгляды. 13 апреля он оставил в дневнике эмоциональную запись: «Неужели все прошлое царствование — насмарку? Неужели мы идем на принятие программы Горемыкина. Его записка «profession de foi»⁵⁵, как он сам это говорит. Но если государь ее разделяет — то оставаться нельзя — п. ч. я не могу

⁵³ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 34.

⁵⁴ Там же. Л. 33.

⁵⁵ Символ веры (перевод с фр.)

участвовать в чем-либо, что не согласно с моими убеждениями, с направлением Александра III. Если же Государь не разделяет Горемыкинское *profession de foi*, — то как он может оставаться министром? <...> Но как примирить сказанное в начале царствования и не раз потом, что мы идем по стопам прошлого? Направление Горемыкина — это совершенная противоположность этому прошлому»⁵⁶.

Однако в студенческом деле Горемыкин вел себя отнюдь не либерально. Он изначально был против расследования и оправдывал действия полицейских. Мария Фёдоровна критиковала стремление Горемыкина доказать политический характер студенческих беспорядков, в частности, она писала об этом Георгию Александровичу; по ее мнению, политизация их произошла «искусственно» из-за «глупейших мер» (например, высылки студентов). Вдовствующая императрица сетовала, что император «слышит лишь то, что исходит из уст» министра внутренних дел, поскольку тот выставлял «все иначе» [Андреев 2012, 66–67].

В ходе расследования Ванновский пришел к выводу о том, что волнения студентов не имели политических требований, а виновными за произошедшее он признавал руководство университета и города, в частности градоначальника Н.В. Клейгельса, а также отдельных студентов [Голечкова 2015, 93]. 24 апреля он встретился с Шереметевым и рассказал ему, что во время их с Горемыкиным совместного доклада, состоявшегося в начале апреля, Николай II выразил доверие не ему, а министру внутренних дел. Мария Фёдоровна была «очень (подчеркнуто в тексте — прим. автора) тревожна и огорчена» невниманием Николая II к результатам его расследования. Из этого Ванновский сделал вывод, что «по-видимому у нее нет влияния, и что Государь до сих пор не зовет». Он с обидой отмечал, что «у Государя «нет характера» — что ему «ничего не стоит отступить от своих слов (подчеркнуто в тексте — прим. автора)»»⁵⁷.

25 мая 1899 года в «Правительственном Вестнике» вышло официальное сообщение об итогах расследования. Взыскания последовали только со второстепенных чинов полиции [Витте 1924, 135]. Шереметев удрученно констатировал победу Горемыкина: «Виновными оказываются исполнители — а не главное начальство. Это повторение Ходынки <...> Горемыкин с Боголеповым одержали несомненную победу»⁵⁸.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 79–80.

⁵⁷ Там же. Л. 86–87.

⁵⁸ Там же. Л. 100 (об.).

Будущее открывало Шереметеву безрадостную перспективу. 13 июня он записал: «Теперь при наличии торжествующего Горемыкина, Гессе⁵⁹ и сопр. — хороший рескрипт Муравьеву Юст(иции) — конечно «благодарный! <...> Чего же ожидать дальше?»⁶⁰.

Назначение Д.С. Сипягина на пост министра внутренних дел

Однако торжествовал Горемыкин недолго: уже в октябре того же года его сменил Д.С. Сипягин. По выражению историка Д.А. Андреева, «выиграв у Витте “студенческое дело”, он проиграл ему идеологическую схватку по поводу земства» [Андреев 2012, 67]. 24 сентября Сипягин в беседе со свояком намекнул на возможность своего назначения: «Знаменательный был у него с Государем разговор 6 августа. Он сказал, что пока не может передать содержание, что в ноябре передаст мне не мало утешительного»⁶¹.

Дмитрий Сергеевич занял пост министра внутренних дел 20 октября, то есть в годовщину смерти Александра III. Шереметев не мог не заметить этого символизма: «Мы вступили в новое пятилетие, в новое столетие. <...> Назначение Сипягина есть исполнение воли Родительской; он был намечен Александром III, о чем слышал от последнего своими ушами. Крупное событие!»⁶².

Мария Фёдоровна, как и Шереметев, была рада уходу нелюбимого ею Горемыкина. По ее словам, Сипягин является «джентльменом». «Comme je suis contente!»⁶³ — поделилась императрица эмоциями со своим единомышленником⁶⁴.

Однако не обошлось и без неприятного сюрприза: Горемыкину Николай II дал благодарственный рескрипт. Для Шереметева это стало еще одним свидетельством одобрения «либеральной» политики министра внутренних дел: «И так выбрано 20 октября (подчеркнуто в тексте — прим. автора), чтобы подписать Горемыкину «благодарный!» Это характерно. Я бы предпочел перемену в другой день <...> Значение 20 октября (подчеркнуто в тексте — прим. автора) тут именно не имеет значения. Очевидно, что в характере цельности нет! Всегда ложка дегтю, там где ложка меду»⁶⁵.

⁵⁹ Гессе Пётр Павлович (1846–1905) — дворцовый комендант (1896–1905).

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 120.

⁶¹ Там же. Л. 135.

⁶² Там же. Л. 146.

⁶³ Как я счастлива! (перевод с фр.).

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 164.

⁶⁵ Там же. Л. 149.

Тем не менее в разговоре с Сипягиным, содержание которого тот передал Шереметеву, Николай Александрович рассказал, что разочаровался в Горемыкине: «Очень значительное сказанное Государем о Горемыкине “Мне его подсунули”, говорил, как он его не знал вовсе, и как постепенно сам стал замечать его непригодность <...> Вообще разговор продолжительный, знаменательный и утешительный. Дай Бог, чтобы было прочно (подчеркнуто в тексте — прим. автора)!»⁶⁶.

Еще одним разочарованным Горемыкиным оказался «подсунувший» его Победоносцев. Беседуя с Шереметевым, он отметил, что бывший протезе «не оправдал его надежд — и Поб(едоносцев) залялся теперь, как говорит, кого-либо рекомендовать»⁶⁷.

Заключение

Таким образом, политика первых лет царствования Николая II виделась Шереметеву и Марии Фёдоровне отступлением от консервативной идеологии Александра III, несмотря на публичное обещание императора в начале правления придерживаться политики отца. По их мнению, пагубное влияние на молодого и неопытного самодержца оказывали «либеральные» министры Горемыкин, Муравьёв и Витте, с которыми были солидарны обер-прокурор Победоносцев и великий князь Сергей Александрович.

С одной стороны, о либеральном объединении министров, противостоящих курсу Александра III, говорить не приходится. Напротив, все они разделяли консервативные взгляды (так, чиновник МИД Лопухин находил большинство правительства крайне консервативным, лишь немногих он причислял к «умеренным» консерваторам (С.Ю. Витте, министра земледелия А.С. Ермолова), «признававшим эволюцию консерватизма в приспособлении к современности» [Лопухин 2008, 78]). Большое влияние на Николая II в первые годы оказывал Победоносцев, который отстаивал проведение консервативного курса. С другой — политика молодого императора уже не была столь резко консервативной, как при его отце, что показывает история с тверским губернатором Ахлестышевым, которая не поколебала доверия Николая II к Горемыкину. Постоянное сетование графа Шереметева и вдовствующей императрицы на неправильный ход политики свидетельствует об их неспособности повлиять на ее изменение. Мария Фёдоровна с приближенными была не в состоянии

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5044. Л. 160.

⁶⁷ Там же.

«повернуть руль» государственной политики и убрать неугодных ей министров. Николай II, проводивший отнюдь не либеральную политику, постепенно удалял от власти приближенных его отца, тем самым демонстрируя готовность править без их советов⁶⁸. Одним из первых это коснулось графа Шереметева.

Список литературы:

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Андреев Д.А. «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // Российская история. 2020. № 1. С. 37–50. DOI: 10.31857/S086956870008484-3.

Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011а. № 4. С. 114–125.

Андреев Д.А. Как мечтания из «безумных» стали «Бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011б. № 2(20). С. 36–44.

Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой-весной 1899 года // Российская история. 2012. № 1. С. 59–68.

Боханов А.Н. Николай II. М.: Молодая гвардия; Русское слово, 1997.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.) / под ред. А.Б. Ефимова, Е.Ю. Ковальской. СПб.: Алетейя, 2009.

Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. Ленинград: Государственное издательство, 1924.

Голечкова О.Ю. Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2015.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М.: Новое лит. обозрение, 2000.

Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т. I. 1894–1904 / отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011.

⁶⁸ В 1895 году отправлен в отставку И.Н. Дурново, в 1897 году — Воронцов-Дашков, в 1898-м своего поста лишился военный министр Ванновский. Влияние Победоносцева продолжалось только до 1896 года [Полунов 2010, 141]. Из когорты министров эпохи Александра III влияние сохранял только Витте, во многом за счет своих управленческих талантов. По мнению В.И. Гурко, в общении с министрами своего отца молодому императору трудно было проявлять инициативу, поэтому он стремился заменить их новыми лицами [Гурко 2000, 269].

Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2008.

Мейлунас А., Мироненко С.В. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М.: Прогресс, 1998.

Ольденбург С.С. Николай II. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М.: Эксмо, 2010.

Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной. 1894–1917 / под ред. Е.А. Чирковой. М.: Индрик, 2017.

Половцов А.А. Дневник (1893–1909). СПб.: Алетейя, 2014.

Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010.

Шохин Л.И. Дневниковые записи С.Д. Шереметева о П.А. Столыпине // Археографический ежегодник за 2001 год. 2002. С. 359–371.

Шохин Л.И. Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте // Отечественная история. 1998. № 2. С. 149–163.

Шохин Л.И. Из дневника С.Д. Шереметева 1897–1917 гг. // Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма / сост. и авт. биографических очерков и коммент: А.И. Алексеева, М.Д. Ковалева. М.: Звонница, 2001. С. 216–220.

Шохин Л.И. Из дневника С.Д. Шереметева 1917 г. // Российский архив. 1995. Вып. 6. С. 487–492.

Шохин Л.И. С.Д. Шереметев о С.Ю. Витте (по страницам дневника) // Археографический ежегодник за 2004 год. 2005. С. 400–409.

Шохин Л.И. С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях // Археографический ежегодник за 1994 год. 1996. С. 191–222.

Дата поступления: 13.11.2020

References:

Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh. (2000) *Sergey Yul'yevich Vitte i ego vremya* [Sergei Yulievich Witte and his period]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Andreev D.A. (2011a) Nicolas II in The First Months of His Reign: Outer Influences and Independent Decisions. *Rossiyskaya istoriya*. No. 4. P. 114–125.

Andreev D.A. (2011b) How “Absurd” Reveries Became “Meaningless”: On Emperor Nicholas II’s Appeal on 17th January, 1895. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. No. 2(20). P. 36–44.

Andreev D.A. (2012). *Studencheskiye besporyadki i bor'ba v pravitel'stvennykh verkhakh zimoy-vesnoy 1899 goda* [Student unrest and conflicts within the government during the winter and spring of 1899]. *Rossiyskaya istoriya.* No. 1. P. 59–68.

Andreev D.A. (2020) P.D. Akhlestyshchev's "Case" and the Battle at the Top of Government at the Beginning of the Reign of Nicholas II. *Rossiyskaya istoriya.* No. 1. P. 37–51. DOI: 10.31857/S086956870008484-3.

Bokhanov A.N. (1997) *Nikolay II* [Nicholas II]. Moscow: Molodaya gvardiya; Russkoye slovo.

Chirkova E.A. (ed.) (2017) *Perepiska imperatora Nikolaya II s mater'yu — imperatritsey Mariyey Fëdorovnoy. 1894–1917* [Correspondence of Nicholas II and his mother — Maria Feodorovna. 1894–1917]. Moscow: Indrik.

Efimov A.B., Koval'skaya E.Yu. (eds.) (2009) *Velikaya knyaginya Elisaveta Feodorovna i imperator Nikolay II. Dokumenty i materialy (1884–1909 gg.)* [Grand princess Elizaveta Feodorovna and Emperor Nicholas II. Documents and materials (1884–1909)]. Saint-Petersburg: Aleteyya.

Golechkova O.Yu. (2015) *Byurokrat ego velichestva v otstavke: A.A. Polovtsov i ego krug v k. XIX – n. XX veka* [His Majesty's retired bureaucrat: A.A. Polovtsov and his circle in the late 19th and early 20th centuries]. Moscow: AIRO-XXI.

Gurko V.I. (2000) *Cherty i siluety proshlogo* [Features and silhouette of the past]. Moscow: Novoye lit. obozreniye.

Lopukhin V.B. (2008) *Zapiski byvshego direktora departamenta ministerstva inostrannykh del* [Memoirs of former director of department of Ministry of Foreign Affairs]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya.

Meylunas A., Mironenko S.V. (1998) *Nikolay i Aleksandra. Lyubov' i zhizn'* [Nicholas and Alexandra. Love and life]. Moscow: Progress.

Mironenko S.V. (ed.) (2011) *Dnevnik imperatora Nikolaya II. 1894–1918. T. I. 1894–1904* [Diaries of Nicholas II. 1894–1918. Vol. 1. 1894–1904]. Moscow: ROSSPEN.

Ol'denburg S.S. (2010) *Nikolay II. Ego zhizn' i tsarstvovaniye: illyustrirovannaya istoriya.* [Nicholas II. His life and reign: an illustrated history]. Moscow: Eksmo.

Polovtsov A.A. (2014) *Dnevnik (1893–1909)* [Diary (1893–1909)]. Saint-Petersburg: Aleteyya.

Polunov A.Yu. (2010) *K.P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Rossii* [K.P. Pobedonostsev in Russia's public and spiritual life]. Moscow: ROSSPEN.

- Shokhin L.I. (1995) Iz dnevnika S.D. Sheremeteva 1917 g. [From S.D. Sheremetev's diary 1917]. *Rossiyskiy arkhiv*. Is. 6. P. 487–492.
- Shokhin L.I. (1996) S.D. Sheremetev-istorik v svoikh dnevnikovykh zapisyakh [S.D. Sheremetev as a historian in his diary]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1994 god*. P. 191–222.
- Shokhin L.I. (1998) Dnevnikovyye zapisi S.D. Sheremeteva o S.Yu. Vitte [Diary notes of S.D. Sheremetev about S.Yu. Witte]. *Otechestvennaya istoriya*. No. 2. P. 149–163.
- Shokhin L.I. (2001) Iz dnevnika S.D. Sheremeteva 1897–1917 gg. [From S.D. Sheremetev's diary 1897–1917]. In: Alekseev A.I., Kovaleva M.D. (eds.) *Sheremetevy v sud'be Rossii: Vospominaniya. Dnevniki. Pis'ma*. Moscow: Zvonitsa. P. 216–220.
- Shokhin L.I. (2002) Dnevnikovyye zapisi S.D. Sheremeteva o P.A. Stolypine [S.D. Sheremetev's diary notes on P.A. Stolypin]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2001 god*. P. 359–371.
- Shokhin L.I. (2005) S.D. Sheremetev o S.Yu. Vitte (po stranitsam dnevnika) [S.D. Sheremetev about S.Yu. Witte]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2004 god*. P. 400–409.
- Vitte S.Yu. (1924) *Vospominaniya. Tsarstvovaniye Nikolaya II. T. I.* [Memoirs. Nicholas II reign. Vol. 1]. Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.

Received: 13.11.2020